Таким образом, в постановлении № 58 нашли отражение принципы, как закрепленные в уголовном законе (законность, справедливость, гуманизм), так и не закрепленные в нем (индивидуализация, экономия мер уголовной репрессии)²⁴. Доста-

точно простые и ясно выраженные требования уголовного и уголовно-процессуального закона в части назначения справедливого наказания оказываются иногда трудновыполнимыми для судов. Отсюда — нарушение положений обозначенных выше норм УК РФ и УПК РФ, что, безусловно, влияет на индивидуализацию наказания и в конечном счете ставит под сомнение справедливость как назначенного наказания, так и постановленного обвинительного приговора в целом.

²⁴ Так, С. А. Велиев принципы назначения наказания в зависимости от закрепления их в уголовном законе подразделяет на две группы: а) принципы, закрепленные в уголовном законе (законность, справедливость, гуманизм, равенство перед законом, ответственность за вину); б) принцип, не закрепленный в уголовном законе (индивидуализация наказания). См.: Вел-

ев С. А. Принципы назначения наказания. СПб., 2004. С. 334.

Библиографический список

- Бурлаков В. Н. Уголовное право и личность преступника. СПб., 2006.
Велиев С. А. Принципы назначения наказания. СПб., 2004.
Коняхин В. П., Полтавец В. В. Институт назначения наказания: понятие и структурно-функциональный анализ // Российский следователь. 2016. № 14.
Лапунин М. Проблемы применения уголовного закона в свете судебной практики субъектов Российской Федерации // Уголовное право. 2011. № 6.
Шкредова Э. Г. Учет личности виновного и обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, как один из критериев справедливого наказания // Журнал российского права. 2016. № 6.

Правила квалификации преступлений, совершенных в соучастии

КЛИМЕНКО Юрий Александрович, старший преподаватель кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, кандидат юридических наук

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9
E-mail: yuriiiklim@yandex.ru

Статья посвящена такому разделу уголовно-правовой науки, как учение о соучастии в преступлении. Объектом исследования выступают нормы Уголовного кодекса Российской Федерации о соучастии в преступлении и судебная практика их применения. Предметом исследования являются правила квалификации преступлений, совершенных в соучастии. Как отмечает автор, при уголовно-правовой оценке соучастия нередко допускаются ошибки, обусловленные неверным установлением формы соучастия и использованием ненадлежащих правил квалификации. Кроме того, такой аспект института соучастия в преступлении, как особенности квалификации, не получил системного освещения в юридической литературе. Настоящее исследование направлено на систематизацию и усовершенствование правил квалификации преступлений, совершенных в соучастии, в целях разработки их исчерпывающего перечня, необходимого юристу для работы по уголовным делам. Автор формулирует теоретическое определение понятия «форма соучастия в преступлении» и проводит классификацию соучастия, включающую шесть форм. Рассмотрены особенно-

сти квалификации преступлений, совершенных в каждой из шести форм соучастия. Проанализированы спорные вопросы, возникающие в судебной практике при применении правил квалификации преступлений, совершенных в соучастии: квалификация посредничества во взяточничестве; квалификация соучастия в преступлении со специальным субъектом в форме организованной группы. В целях усовершенствования правоприменительной практики по делам о соучастии сделаны предложения по уточнению разъяснений, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященных толкованию норм о таких преступлениях, как кража, грабеж, разбой, присвоение или растрата, взяточничество.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, квалификация преступлений, форма соучастия, организованная группа, посредничество во взяточничестве, присвоение или растрата, специальный субъект преступления, уголовное право.

Rules of Qualification of Crimes Committed in Complicity

Yu. A. KLIMENKO, candidate of legal sciences
Kutafin Moscow State Law University
9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, Russia, 123995
E-mail: yuriiiklim@yandex.ru

The article is devoted to one of the sections of the criminal-legal science – the doctrine of complicity in the crime. The object of the research is the norms of the Criminal Code of the Russian Federation for complicity in the crime and judicial practice of their application. This study is focused on rules of qualification of crimes committed in complicity. As the author notes, there are very common errors in the process of the criminal legal evaluation of complicity caused by incorrect defining of the participation form and by the use of improper guidelines. In addition, such aspect as a particular qualification did not receive the systematic coverage in the legal literature. The present study is aimed at systematization and improvement of the qualification rules of crimes committed in complicity, in order to develop their comprehensive list of needed attorney to work on criminal cases. The author formulates the theoretical definition of the concept “form of complicity” and classification of complicity, which includes six forms. Also the author shows the features of qualification for each of these six forms of complicity. Controversial issues arising in judicial practice in the application of qualification rules of crimes committed in complicity are: qualification of mediation in bribery; qualification of complicity in a crime with the special subject in the form of an organized group. In order to improve the law enforcement in cases on complicity the author has made some suggestions to clarify the explanations of the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, devoted to the interpretation of the rules on such crimes as theft, burglary, robbery, embezzlement, bribery.

Keywords: complicity, qualification of crimes, forms of participation, organized group, intermediation in bribery, misappropriation or embezzlement, special subject of crime, criminal law.

DOI: 10.12737/article_58e39ece8f5725.38948020

Правила квалификации групповых преступлений представляют собой одну из актуальных проблем уголовно-правовой доктрины, что продиктовано рядом факторов. Во-первых, точная квалификация соучастия является сложной задачей для правоприменителя. При уголовно-правовой оценке соучастия нередко допускаются ошибки, обусловленные неверным установлением формы соучастия и использованием ненадлежащих правил квалификации, что ведет к изменению

Верховным Судом РФ состоявшихся по делу решений¹.

Во-вторых, несмотря на высокую степень исследованности института соучастия в целом, такой его аспект, как особенности квалификации, не получил системного освещения в юридической литературе. В учебниках по уголовному праву зачастую не содержится исчерпывающего переч-

¹ См. апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих ВС РФ от 7 мая 2015 г. № 211-АП/15-1.

ня правил, применяемых на практике при квалификации совместных преступлений². В результате у многих юристов отсутствует полное представление об институте соучастия, необходимое для практического применения норм Уголовного кодекса РФ.

Трудность заключается в том, что УК РФ регулярно пополняется новыми нормами о соучастии (ст. 291¹ «Посредничество во взяточничестве», ст. 282³ «Финансирование экстремистской деятельности» и др.), а постановления Пленума ВС РФ, дающие их толкование, появляются с некоторой задержкой. Поэтому применение новелл Уголовного кодекса, по которым отсутствуют рекомендации высшей судебной инстанции, возможно лишь с использованием теоретического инструментария, в том числе общих правил квалификации преступлений, совершенных в соучастии, применяемых «по умолчанию».

Настоящее исследование направлено на систематизацию и усовершенствование указанных правил в целях разработки их исчерпывающего перечня, необходимого юристу для работы по уголовным делам.

Юридическая оценка содеянного соучастником в первую очередь зависит от формы соучастия. На наш взгляд, формы соучастия — это предусмотренные Уголовным кодексом типы преступных объединений, характеризующиеся различными правилами квалификации и отличающиеся по таким критериям, как вид входящих соучастников, способ распределения ролей, наличие устойчивости, внутренняя струк-

тура, момент достижения предварительного сговора и цели. Законодательная классификация форм соучастия отражает существующие в объективной реальности различные способы объединения преступников между собой.

Исследовав нормы ст. 33—35 УК и практику их применения, мы пришли к выводу, что в отечественном уголовном праве насчитывается шесть форм соучастия в преступлении: 1) «сложное соучастие»; 2) группа лиц; 3) группа лиц по предварительному сговору; 4) организованная группа; 5) преступное сообщество (преступная организация); 6) «смешанное соучастие» (присоединение «сложного соучастия» к группе или сообществу; категория используется только в научном обороте³).

Рассмотрим отличительные признаки форм соучастия, позволяющие разграничить их между собой, и проанализируем, какие правила квалификации применяются в зависимости от формы соучастия.

1. Термин «сложное соучастие» взят в кавычки, поскольку он отсутствует в Уголовном кодексе. Данное правовое явление закреплено в ч. 3 ст. 34 УК, но не имеет наименования в уголовном законе. В доктрине такой вариант соучастия известен под разными наименованиями (сложное, с выполнением различных ролей), однако практически все авторы упоминают о его сущностном признаке — распределении ролей (исполнении объективной стороны преступления не всеми из соучастников)⁴.

Исследуемая форма соучастия образуется следующими признаками: а) наличие одного исполнителя преступления и одного либо нескольких соучастников иного вида (организа-

² Например, умалчивается о том, что деяния участников организованных групп и преступных сообществ по общему правилу квалифицируются как соисполнительство в конкретном преступлении. См.: Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / под ред. А. И. Чуцаева. М., 2012. С. 204—206; Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб., 2006. С. 553—611.

³ См.: Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 198—199.

⁴ См.: Галиакбаров Р. Р. Квалификация групповых преступлений. М., 1980. С. 7; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М., 2012.

тора, подстрекателя или пособника); б) отсутствие устойчивости (что ограничивает эту форму соучастия от организованной группы).

При соучастии в данной форме квалификация происходит по статье Особенной части УК со ссылкой на ту часть ст. 33 УК, в которой предусмотрена выполненная лицом роль, если это роль организатора, подстрекателя или пособника. В то же время содеянное исполнителем не требует ссылки на ст. 33 УК. Такой подход обусловлен особенностями конструкции состава преступления, совершенного в соучастии.

Для квалификации содеянного исполнителем достаточно сослаться на норму Особенной части УК, так как исполнитель непосредственно выполняет деяние, описанное в диспозиции статьи. Но такие соучастники, как организатор, подстрекатель и пособник, в данной форме соучастия играют вспомогательные роли, не выполняют объективную сторону состава преступления, и вменить им статью Особенной части УК саму по себе нельзя — там не указаны совершенные лично ими деяния. Для обоснования ответственности таких соучастников необходимо дополнительно сослаться на конкретную норму Общей части УК, где раскрываются объективные признаки состава совершенного ими посягательства (организация, подстрекательство или пособничество преступлению — ч. 3, 4 и 5 ст. 33 УК).

Приговором Нижегородского областного суда содеянное А. квалифицировано, помимо прочего, по п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК как убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору и сопряженное с разбоем. Однако Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ приговор изменила, разъяснив, что, поскольку А. непосредственного участия в процессе лишения жизни не принимала, а лишь оказывала содействие исполнителю преступления (передала ему шпатель для удушения потерпевшей), содеянное ею не может быть квалифицировано

как совершенное группой лиц по предварительному сговору, а подлежит квалификации как пособничество в совершении убийства, сопряженного с разбоем, по ч. 5 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК⁵.

Иными словами, преступление, совершенное в рамках «сложного соучастия», в приведенном примере было неверно оценено как совершенное в более опасной форме соучастия, что повлекло за собой неточную квалификацию.

В отдельных случаях «сложное соучастие» включается в норму статьи Особенной части УК в качестве конститутивного признака состава самостоятельного преступления. Данный прием юридической техники представляет собой юридическую фикцию, суть которой заключается в том, что действия лица, выполняющего вспомогательную роль, расцениваются как действия исполнителя, причем исполнителя, формально действующего вне рамок института соучастия в преступлении. Совместное (групповое) посягательство предписывается юридически оценивать как единолично совершенное преступление, в отрыве от института соучастия, что порой приводит к трудностям при квалификации.

Например, в ч. 1 ст. 291¹ «Посредничество во взяточничестве» УК предусмотрена ответственность за посредничество в даче и получении взятки: «Посредничество во взяточничестве, то есть непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя либо иное содействие взяткодателью и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в значительном размере».

Согласно примечанию к ст. 290 УК значительный размер образует сумма, превышающая 25 тыс. руб. Таким образом, включение в УК данной нормы породило правовую не-

⁵ См. определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 13 ноября 2012 г. № 9-Д12-16.

определенность в вопросе о том, какой уголовно-правовой оценке подлежит деятельность посредника в случае, если сумма предмета взятки не превышает значительного размера.

Как нам представляется, решать данную проблему необходимо с помощью правил квалификации, применяемых при «сложном соучастии». Руководствуясь ч. 5 ст. 33 УК, в которой «пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации... либо устранением препятствий», посредника следует признать частным (специальным) случаем пособника. Можно согласиться с мнением специалистов (А. И. Плотников), полагающих, что по юридической сущности посредничество является пособничеством во взяточничестве, выделенным в самостоятельный состав преступления⁶.

В рассматриваемой ситуации происходит конкуренция общей и специальной норм о соучастии в преступлении. Общей нормой выступает ч. 5 ст. 33 и соответствующая часть либо ст. 290, либо ст. 291 УК (пособничество в даче или получении взятки, в зависимости от того, по поручению какой стороны криминальной «сделки» действует посредник), а специальной нормой является посредничество во взяточничестве по ст. 291¹ УК.

В силу ч. 3 ст. 17 УК при конкуренции общей и специальной нормы применяется специальная норма. Если же содеянное не подпадает под признаки специальной нормы, применению подлежит общая норма. Роль посредника, действовавшего от имени и в интересах взяткодателя, до включения в УК нормы ст. 291¹ квалифицировалась по ч. 5 ст. 33 и соответствующей части ст. 290 УК как пособничество во взя-

точничестве⁷. Думается, что и теперь аналогичное правило можно применить в ситуации, не охватываемой нормой ст. 291¹ УК, т. е. при посредничестве во взяточничестве в незначительном размере.

В судебной практике встречаются случаи оценки рассматриваемого деяния как непроступного.

Приговором Одоевского районного суда Тульской области М. осужден за посредничество во взяточничестве за совершение заведомо незаконных действий путем перечисления денежных средств в размере 20 тыс. руб. на банковскую карту. В постановлении по данному делу президиум Тульского областного суда отметил, что «согласно диспозиции ч. 1 ст. 291¹ УК уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве наступает при условии, если размер взятки, получению или даче которой содействовал посредник, является значительным», и оправдал М. в связи с отсутствием в его действиях состава преступления⁸.

Приведенное мнение о непроступности (ненаказуемости) посредничества во взяточничестве в незначительном размере нашло своих сторонников и среди ученых⁹. Но, как нам думается, это временная позиция. Формально-логические аргументы «против» приведены выше. Главная же причина состоит в том, что данная точка зрения противоречит самой сущности взяточничества и соучастия в преступлении. Взяточничество является преступле-

⁷ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2011 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 9.

⁸ См. постановление Президиума Тульского областного суда от 24 ноября 2015 г. № 44у-132/2015.

⁹ См.: Талан М., Тарханов И. Посредничество во взяточничестве в уголовном праве России // Уголовное право. 2013. № 5; Яни П. С. Новое постановление Пленума Верховного Суда о взяточничестве // Законность. 2013. № 12.

⁶ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. И. Чуцаева. М., 2013.

нием независимо от суммы предмета взятки. Институт соучастия (применительно к данной ситуации) — это технико-юридический способ обосновать ответственность лица, принявшего участие в том же самом общественно опасном деянии, что и исполнитель. В литературе обоснованно отмечается (Л. Д. Гаухман), что при соучастии виновные несут ответственность за единое и неделимое преступление, за все преступные действия в целом, сообща причиненный вред вменяется каждому из соучастников как вред, причиненный им самим¹⁰.

Иными словами, юридическая природа соучастия свидетельствует о том, что исполнитель и пособник фактически совершают единое общественно опасное деяние. Так почему же взяточник подлежит ответственности независимо от суммы, а посредник (пособник) — лишь при значительном размере?

Руководствуясь вышеизложенным, считаем необходимым внести коррективы в сложившуюся практику применения норм о «сложном соучастии», в частности предлагаем дополнить п. 26 постановления Пленума ВС РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» следующим абзацем:

«По смыслу закона, если стоимость предмета взятки, переданного посредником, не составляет значительного размера, то при отсутствии квалифицирующих признаков преступления, предусмотренных ч. 2—4 ст. 291¹ УК РФ, действия посредника подлежат квалификации как соучастие в даче или получении взятки по ч. 5 ст. 33 и ч. 1 ст. 290 либо ст. 291 УК РФ. В случае, если при отсутствии значительного размера предмета взятки в действиях посредника содержатся квалифицирующие

признаки, предусмотренные ч. 2—4 ст. 291¹ УК РФ, посредник несет уголовную ответственность по соответствующей части ст. 291¹ УК РФ».

Поскольку правила квалификации, свойственные вышеперечисленным формам соучастия (№ 2—5), во многом схожи, целесообразно дать им обобщенную характеристику.

2. Группа лиц (ч. 1 ст. 35 УК) включает признаки: а) каждый из соучастников — исполнитель (соисполнитель); б) сговор на совместное совершение преступления, состоявшийся после начала выполнения объективной стороны состава преступления одним из виновных; в) отсутствие устойчивости.

3. Группа лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 35 УК) предполагает: а) все соучастники — соисполнители; б) сговор на преступление, состоявшийся до начала выполнения объективной стороны состава преступления; в) отсутствие устойчивости.

4. Организованная группа (ч. 3 ст. 35 УК) подразумевает: а) устойчивость; б) отсутствие внутренних структурных подразделений и взаимосвязи с другими организованными группами.

5. Преступное сообщество (ч. 4 ст. 35 УК) предусматривает: а) устойчивость; б) наличие внутренних структурных подразделений либо взаимосвязи с другими организованными группами; в) цель совершения тяжких либо особо тяжких преступлений по корыстному мотиву.

Общее правило квалификации преступлений, совершенных в указанных формах соучастия (№ 2—5), следующее: деяние соучастника квалифицируется только по статье Особенной части, содержащей признаки совершенного посягательства. Ссылка на ст. 33 УК не требуется, какую бы роль не выполнял конкретный соучастник, поскольку члены соответствующих преступных объединений или фактически являются соисполнителями, или юридически признаются таковыми.

¹⁰ См.: Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В. П. Ревина. М., 2016.

Верховный Суд РФ считает необходимым квалифицировать действия всех членов организованных групп и преступных сообществ как деяния исполнителей: «При признании... преступлений совершенными организованной группой действия всех соучастников независимо от их роли в содеянном подлежат квалификации как соисполнительство без ссылки на статью 33 УК РФ»¹¹.

В большинстве случаев такой подход упрощает квалификацию. Иная ситуация складывается при совершении организованной группой преступления со специальным субъектом. Проблема возникает, если в группу входит лицо, не обладающее признаками специального субъекта, т. е. не наделенное особыми признаками, предусмотренными составом преступления (возраст, служебное положение, правомочия в отношении имущества и т. д.).

В коллизию вступают два правила: 1) квалификация всех участников организованной группы как соисполнителей; 2) общее правило квалификации соучастия в преступлениях со специальным субъектом (ч. 4 ст. 34 УК): «Лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника».

Иначе говоря, квалификация действий участника организованной группы, не являющегося специальным субъектом преступления (далее — неспециального субъекта), сопряжена с ответом на проблемный вопрос: требуется ли при оценке его действий сослаться на ст. 33 УК или

же его необходимо расценивать как соисполнителя?

Ответ Пленума ВС РФ на данный вопрос разнится в зависимости от вида преступления, что подрывает единство судебной практики и обобщенно критикуется в литературе¹².

На наш взгляд, к толкованию разъяснений высшей судебной инстанции следует подойти хронологически. В отношении присвоения или растраты, совершенной организованной группой (ч. 4 ст. 160 УК), Пленум ВС РФ в постановлении от 27 декабря 2007 г. № 51 (далее — постановление № 51) разъяснил, что «в организованную группу могут входить лица, не обладающие полномочиями по распоряжению, управлению или пользованию вверенным имуществом, а также по его доставке либо хранению (т. е. не являющиеся специальным субъектом преступления по ст. 160 УК. — Ю. К.), которые заранее объединились для совершения одного или нескольких преступлений. При наличии к тому оснований они несут ответственность согласно части 4 статьи 34 УК РФ как организаторы, подстрекатели либо пособники присвоения».

В судебной практике процитированное положение понимается как допускающее квалификацию действий неспециального субъекта организованной группы со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК.

Неспециальные субъекты Н. и П., войдя в состав организованной группы со специальным субъектом Д., водителем-экспедитором, которому вверено имущество (седельный тягач с рефрижераторным полуприцепом и грузом), оказали последнему содействие в хищении, заблокировав работу радиопередатчика системы «Глонасс», установленного в тя-

¹¹ Пункт 15 постановления Пленума ВС РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».

¹² См.: Гарбатович Д. А. Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации как условие эффективности уголовно-правовых норм (на примере квалификации преступления, совершенного организованной группой) // Российский судья. 2015. № 3. С. 32—34.

гаче. Действия Н. и П. квалифицированы судом по ч. 5 ст. 33, ч. 4 ст. 160 УК как пособничество в присвоении, т. е. хищении, чужого имущества, вверенного виновному, организованной группой, в особо крупном размере¹³.

Между тем мы полагаем, что такое понимание п. 23 постановления № 51 устарело и не соответствует современной практике по нормам об иных преступлениях. В частности, давая толкование норме о легализации преступных доходов, в 2015 г. Пленум ВС РФ указал: «В организованную группу (п. «а» ч. 4 ст. 174¹ УК РФ), помимо одного или нескольких лиц, которыми в результате совершения преступления приобретены легализуемые денежные средства или иное имущество, могут входить лица, не обладающие признаками специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 174¹ УК РФ. В случае признания совершения названного преступления организованной группой действия всех ее членов, принимавших участие в подготовке и совершении этого преступления, независимо от того, выполняли ли они функции исполнителя, организатора, подстрекателя или пособника, подлежат квалификации по п. «а» ч. 4 ст. 174¹ УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ»¹⁴.

Приведенное толкование более четко разъяснило позицию Верховного Суда РФ и недвусмысленно подчеркнуло необходимость квалифицировать действия неспециального субъекта организованной группы без ссылки на ст. 33 УК. Из него следует вывод, что фразу «при наличии к тому оснований они несут

ответственность согласно ч. 4 ст. 34 УК РФ как организаторы, подстрекатели либо пособники присвоения» (п. 23 постановления № 51) в современных условиях необходимо распространять лишь на ситуацию, когда неспециальный субъект не является членом организованной группы.

В свете вышесказанного считаем целесообразным включить в п. 23 постановления № 51 новую формулировку, призванную исключить разночтения при квалификации преступлений со специальным субъектом, совершенных организованной группой: «Действия всех членов организованной группы квалифицируются как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ. Деяния лиц, не являющихся специальными субъектами преступления по ст. 160 УК РФ и не входящих в состав организованной группы, подлежат квалификации по правилу ч. 4 ст. 34 УК РФ, со ссылкой на соответствующую часть статьи 33 УК РФ».

6. «Смешанное соучастие» включает признаки: а) наличие распределения ролей; б) присоединение «сложного соучастия» к любой из вышерассмотренных форм соучастия (группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, преступное сообщество).

В сущности, это ситуация, когда «сложное соучастие» дополняет иную форму соучастия, которую можно условно рассматривать как своеобразного исполнителя преступления (исполнителем является группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа либо преступное сообщество). Соответственно, к конкретному соучастнику подлежат применению правила квалификации, свойственные той форме соучастия, участником которой он являлся. Проиллюстрируем сказанное примером из судебной практики.

После совершения разбойного нападения М. вступил с Ф., Г. и К. в предварительный сговор на убийство потерпевшего. Подыскав место, подходящее для

¹³ См. приговор Яранского районного суда Кировской области от 24 марта 2016 г. по делу № 1-24/2016.

¹⁴ Пункт 15 постановления Пленума ВС РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем».

сокрытия трупа потерпевшего, М. выкопал в грунте яму для сокрытия трупа. Затем Г. и К., используя охотничье гладкоствольное ружье и нож, применили к потерпевшему Р. насилие, опасное для жизни, в результате чего Р. скончался. Впоследствии М., Ф., Г. и К. сокрыли труп в приготовленной яме.

Действия М. суд квалифицировал, помимо иных преступлений, по ч. 5 ст. 33, п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК как «пособничество убийству, т. е. умышленному причинению смерти другому человеку, совершенному группой лиц по предварительному сговору, сопряженному с разбоем, выразившееся в заранее обещанном сокрытии следов преступления»¹⁵.

Проанализируем ситуацию с точки зрения правил квалификации. Пособник М. действует в рамках «сложного соучастия», которое присоединяется к группе лиц по предварительному сговору, члены которой (Г. и К.) являются непосредственными исполнителями преступления. Действия М. квалифицируются как пособничество, с дополнительной ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК (что отражает тот факт, что он исполнителем преступления не являлся), но по той же норме Особенной части УК, которая инкриминируется исполнителям, причем с вменением М. всех признаков содеянного, которые охватывались его умыслом (так как он осознавал, что пособничает убийству, совершенному группой лиц по предварительному сговору и сопряженному с разбоем).

Таким образом, совершение преступления в «смешанной» форме соучастия оказывает особое влияние на квалификацию действий только того соучастника, который действо-

вал в рамках «сложного соучастия». В объем его обвинения включаются признаки формы соучастия, в которой состояли исполнители преступления, если такие признаки предусмотрены квалифицированным составом совершенного преступления. В то же время оценка деяния, совершенного исполнителями, не обладает специфическими особенностями.

Поскольку правила квалификации при «смешанном соучастии» не получили подробного освещения в постановлениях Пленума, целесообразно внести в них соответствующие коррективы. В частности, п. 15 постановления Пленума ВС РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» предлагаем дополнить абзацем:

«В случае, если действия организатора, подстрекателя или пособника, действующего в форме сложного соучастия (с распределением ролей), присоединились к содеянному группой лиц, группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой, деяние такого соучастника квалифицируется по правилам ч. 2 ст. 34 УК РФ, то есть со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ, однако с вменением виновному признака “группой лиц”, “группой лиц по предварительному сговору” либо “организованной группой”, если такое обстоятельство входит в число квалифицирующих признаков соответствующего состава преступления и его наличие осознавалось виновным».

Надеемся, что сформулированные нами критерии разграничения форм соучастия и соответствующие им правила квалификации будут способствовать верной юридической оценке преступлений, совершенных в соучастии.

¹⁵ См. приговор Иркутского областного суда от 30 января 2014 г. по делу № 2-19/2014.

Библиографический список

- Галиакбаров Р. Р. Квалификация групповых преступлений. М., 1980.
- Гарбатович Д. А. Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации как условие эффективности уголовно-правовых норм (на примере квалификации преступления, совершенного организованной группой) // Российский судья. 2015. № 3.
- Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. И. Чучаева. М., 2013.

Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2011 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 9.

Талан М., Тарханов И. Посредничество во взяточничестве в уголовном праве России // Уголовное право. 2013. № 5.

Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / под ред. А. И. Чучаева. М., 2012.

Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В. П. Ревина. М., 2016.

Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб., 2006.

Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М., 2012.

Яни П. С. Новое постановление Пленума Верховного Суда о взяточничестве // Законность. 2013. № 12.